

УТРАТА

Занавес. Аплодисменты. Скорбь

Окончание. Начало на стр. 1

Когда началась война, Майя вместе с матерью, вернувшейся из заключения, уехала в эвакуацию в Свердловск, и именно здесь состоялось первое ее выступление с «Умирающим лебедем». Номером, который она будет танцевать всю жизнь и так и не пересчитает, сколько раз выходила с ним на сцену. 1 апреля 1943 года Майя Плисецкая была принята в труппу Большого театра, но в кордебалете пробыла недолго – помог, к слову сказать, концертный «Умирающий лебедь». Уже в первом сезоне в Большом театре Плисецкая станцевала Машу в «Щелкунчике». Затем была Мирта в «Жизели», фея Осени в «Золушке», Китри в «Дон Кихоте», заглавная роль в «Раймонде». Ее Китри очаровала мир своими дивными прыжками.

И, наконец, возникла Одетта-Одиллия в «Лебедином озере», в работе над которой впервые проявился темперамент Плисецкой не просто балерины – реформатора балета. Демонстрируя необыкновенную гибкость рук и корпуса, балерина создавала иллюзию трепета крыльев плывущего лебедя, в которого превращалась Одетта. Руки балерины сравнивали с зыбью воды, с волнами, с изгибами лебединых крыльев. Одетта Плисецкой стала мировой легендой, а Одиллию балерина отказывалась считать лебедем и создавала образ злой волшебницы.

Майя Плисецкая проработала в Большом театре до 1988 года, официально считаясь прямой с 1960 года. В историю мирового балета помимо «Лебединого озера» вошли ее ведущие партии в «Каменном цветке» «Спящей красавице», «Ро-

мео и Джульетте», «Легенде о любви», «Спартаке». В мире давно восхищались графическим стилем Плисецкой, отличающимся изяществом, остроумием и законченностью каждого жеста и позы. Но визитной карточкой балерины стала Кармен в «Кармен-сюите» на музы-

Визитной карточкой Майи Плисецкой стала Кармен в «Кармен-сюите» на музыку Бизе – Щедрина

ку Бизе – Щедрина, в которой проявился трагедийный талант актрисы. Специально для Майи Плисецкой этот балет поставил Альберто Алонсо. Но в первую очередь это был подарок композитора Родиона Щедрина. С учетом «Конька Горбунка» это был второй подарочный балет супруги. А впереди Майю Михайловну ждали

еще три роскошных балета – «Анна Каренина», «Чайка», «Дама с собачкой». Плисецкая не только станцевала в них главные партии, она сама поставила эти балеты на сцене Большого театра, привнес в них острый драматизм и новаторство в балетной поступи.

ти и «Балетом XX века» Мориса Бежара, который поставил для нее «Болеро», «Леду» и «Аве Майя». Премьеру «Майи» Плисецкая станцевала в 75 лет, и если вспомнить, что в 55 она танцевала «Чайку», в 60 – «Даму с собачкой», а в 67 – «Безумную из Шайо» из одноименного балета Щедрина (в театре «Эспас Пьер Карден»), есть все основания заявлять о балетном феномене XX века, достойном всевозможных книг рекордов.

Зрители помнят Плисецкую по фильмам «Анна Каренина» и «Чайковский», телефильмам «Фантазия» и «Чайка», телеэкранизациям балетов. Балерине посвящено немало документальных лент, она – автор мемуаров «Я, Майя Плисецкая», «Тринадцать лет спустя», «Читая жизнь свою...». С 1994 года в Санкт-Петербурге проходил Международный балетный

конкурс «Майя», а с 1995-го Майя Плисецкая являлась почетным президентом Имперского Русского балета, созданного по ее инициативе. В последние годы жизнь артистки во многом была связана с гостевой деятельностью мужа, известного во всем мире композитора, народного артиста СССР Родиона Щедрина. Жили они с 1991 года в Мюнхене.

Майя Михайловна была Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством», почетным – доктором Сорбонны, профессором МГУ, гражданином Испании, была награждена множеством международных премий. Именем Майи Плисецкой названы сорт пионов и астероид. Прах ее, по завещанию, будет развеян над Россией.

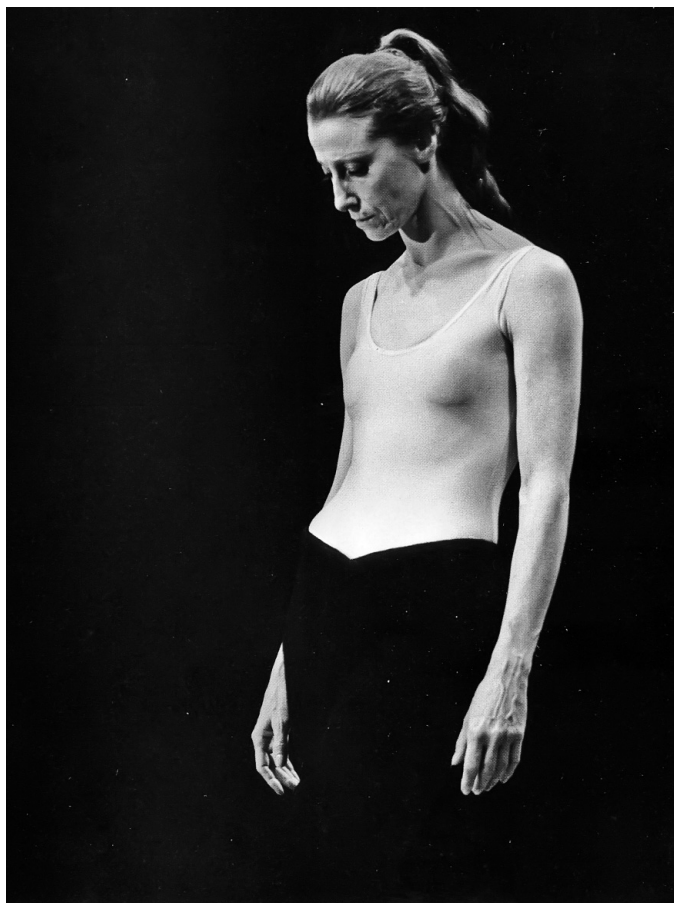

ФОТО ВАЛЕРИЯ АРУТЮНОВА

«Одна на всех, мы за ценой не постоим»

В Москве открылась международная выставка «В борьбе против нацизма мы были вместе».

В ней приняли участие музеи Беларуси, Казахстана и Армении.

Организаторами проекта выступили Министерство культуры РФ, Центральный музей Великой Отечественной войны, Российское военно-историческое общество, Исполнительный комитет СНГ. Собрание живописи, газет и журналов, листовок, личных вещей бойцов, архивных документов свидетельствует о большом подвиге, в который внес свой бесценный вклад каждый народ СССР. «Мы не делили победу в 1945 году и сейчас не делим ее. Это наша общая победа и наш общий праздник», – отметил, открывая выставку, премьер-министр России Дмитрий Медведев.

Свои экспонаты для выставки прислали музеи Беларуси, Армении, Казахстана, Киргизии, Таджикистана. Изначально предполагалось, что в проекте примут участие все страны бывшего СССР, однако откликнулись на предложение организаторов только шесть госу-

ких самолетов. Здесь же – партизанские журналы, к примеру «Народный мститель». Многие журналы напечатаны на бересте. А рядом – страшные вещественные свидетельства нацистской оккупации – колочая проволока и гильзы, оставшиеся на месте расстрелов в лагере смерти «Тростенец». Церемонии открытия выставки посетили Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Беларусь Игорь Петришенко и директор Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны Николай Скобелев.

Военный музей «Мать-Армения» прислал на выставку множество личных вещей маршала Баграмяна. Здесь можно увидеть его китель, фуражку и ту самую парадную шапку, которая была с маршалом на параде 24 июня 1945 года. Из Казахстана, благодаря Национальному музею Республики и частным коллекционерам, на выставку привезен китель генерала армии Сагатада Нурмагамбетова, который в 1945 году участвовал в штурме рейхсканцелярии фюрера, кортик командира партизанского отряда Касима Кайсенова, ордена и медали героев. Показан и вклад республики в военную промышленность: Казахстан снабжал фронт топливом, свинцом, редкими металлами, которые использовались при изготовлении танков, самолетов и орудий.

Главными гостями на церемонии открытия стали ветераны. Из Минска на открытие выставки приехал ветеран Великой Отечественной, казах Мурзатай Берикбаев, прошедший фронтовыми дорогами от Сталинграда до Берлина. Вместе с ветеранами из Беларуси Михаилом Макаренко и Василием Климовских он возложил венки к Вечному огню у музея.

Маргарита ЧАПЛИНА

На XXI фестивале «Литература и кино» в Гатчинском Государственном музее-заповедника М.А. Шолохова в Вешенской Александр Шолохов участвовал в «круглом столе» «Военная слава: факты и парадоксы».

Под его руководством музей-заповедник стал одним из ведущих культурных центров России, приобрел мировую известность и признание. Сегодня внук Шолохова отвечает на вопросы «СВ».

– 70 лет минуло после Великой Отечественной, но количество неизвестных архивов потрясает, удалось ли вашему музею что-то откопать к юбилею Победы?

– Именная выставка неизвестного архива документалиста Архипова проходит сейчас у нас. Устроить ее мы решили, увидев одну фотографию – боец подвешивал бомбу к крылу бомбардировщика, а на бомбе было написано – «За отца и мать». Для меня в этом высшее проявление документалистики. Не могу не рассказать и о выставке, которую мы готовили к предстоящему юбилею Победы, она из разряда тех, которые называют знаковыми. Мы решили тогда показать жизнь станции Вешенской и округи во время войны. Рассказать, что происходило в глубоким тылу с 1941 по 1945 год. А происходило то, что везде работали все – от мала до велика – на Победу. Немцев здесь

почти не было, их стягивали к Сталинграду, а у нас на противоположном берегу Дона стояли румыны и венгры и обстреливали станицу из стрелкового оружия. А потом вешенцы вместе с бойцами, вернувшимися в 1945 году с медалями «За Берлин» и «За Будапешт», восстанавливали страну. Положение фронтовиков я определил для себя тогда так – они оказались в ситуации спринтера, который прибежал к ленточке и выяснил, что бежать-то ему на самом деле марафон. И предстоит одержать еще одну победу – над разрухой в стране. Каким-то чудесным образом собрать силы и строить, вести полуголодный образ жизни, воспитывать детей. Эта победа – может быть, говорю крамолу – была не менее сложной, нежели победа в боевых действиях. И у нас встал вопрос – а каким временным промежуток ограничить выставку, когда эта победа над собой была совершенна? И как-то само собой родилось, что это – полет Гагарина (1961), когда разрушенная страна не только возродилась – она запустила человека в космос.

– Известно ли вам что-либо о работе Михаила Александро-

вича Шолохова над романом «Они сражались за Родину»?

– Расскажу о тяжелых раздумьях деда во время работы над главами, которые были написаны прямо во время войны. Писались они как раз для того, чтобы бойцы, которые участвовали в военных действиях, не унывали, а наоборот посмеялись соленой шуткой над самими собой, чтобы боевой дух у них был, как у Лопухина, который бледнел, скрипел зубами и говорил: «Вот как мы их биты будем!». Но основная составляющая «Они сражались за Родину», если можно так сказать, – это Григорий Мелехов – Александр Стрельцов, который появлялся только в одной из опубликованных глав, и то эта глава была сильно отредактирована. А прототипом Стрельцова был генерал Луккин – царский офицер, принявший сторону революции, герой Гражданской войны, очень популярная личность в Красной армии. Он должным образом проходил через 37-й год, освобождают его в начале войны, и он тут же попадает в знаменитый западный котел и всю войну проводит в концлагере, где его всячески пытаются завербовать на сторону вермахта, в частности, и Красное, и Власов. Освободили его наши войска и переправили в наш лагерь.

Из романа были изъяты те главы, где дед начинал говорить о событиях 30-х и послевоенных годов, в частности, рассказывал, как Александр Стрельцов, брат Николая Стрельцова, придя домой, рассказывал о некоторых событиях, из чего становится ясно, что пришел он из мест не столь отдаленных. В частности, произносит фразу: «Настоящие люди и там людьми остаются», это редактором было изъято, как и тот факт, что во время первомайской демонстрации в Ростове-на-Дону вся тюрьма в центре города пела «Интернационал». «И как пела!.. Какие люди были!..» – дед вкладывал фразу в уста этого человека.

В 60-х годах публикация романа была остановлена, и дед говорил: «Я нахожусь в ситуации, когда, с одной стороны, готов

рассказывать о таких неприятных вещах, а с другой стороны, вижу всех тех ребят, которые полетели для этой победы, кто защищал родину на самом деле. Я вижу тех, чей подвиг свят, и я нахожусь в состоянии жуткой дилеммы – как ребенок, который должен начать критиковать, а тем более хулить собственную мать, Родину». Думаю, это сложный творческий выбор любого художника. И им, наверное, обусловлены те недостатки хроникальной работы, о которых мы говорили и которые наверняка были и будут всегда.

– А что вообще вы думаете о военных хроникерах?

– Отношение хроникеров к войне со стороны порой выглядело отстраненным и не обремененным личными чувствами. Но как бы ни старался военный корреспондент быть беспристрастным, все равно нечто субъективное в его работе проскакивало. Думаю, если бы операторы тех лет снимали хронику не осуждавших побед, а сомневавшихся, будет ли эта победа, тем более, возможно ли поражение, вряд ли бы мы выиграли войну. На мой взгляд, снять абсолютно объективную картинку подобных событий невозможно, даже на футбольном матче оператор все равно покажет своего игрока ярче, чем остальных.

– Еще не так давно наша страна считалась самой читающей в мире, теперь, утверждают, она перешла чуть ли не в свою противоположность, вы согласны?

– Нет, с этим я не готов согласиться, но то, что мы все начали намного меньше читать, действительно правда. Причин тому много, но во взрослом количеству посетителей нашего музея вижу, что общество устало от бездуховности и самостоятельно начало процесс самоощущения. Мне трудно говорить за издателей или книготорговцев, но что касается музейной деятельности – четко вижу гораздо больше интереса к литературе, нежели 5-6 лет назад.

– Как вы относитесь к экранизациям – возможно ли на экране адекватно воплотить литературное произведение?

– Моя мысль такова: экранизация – это всегда взгляд конкретного человека или группы людей, прочтение ими литературного произведения. Когда читаем книгу, мы тоже являемся режиссерами-постановщиками, тем кто создаст картину у себя в воображении. Без читателя книга мертва, какой бы хорошей ни была, и с этой точки зрения кинематограф – возможность понять, как читает это произведение другой человек, как он его видит. Это может не совпасть с вашим представлением, и это нормально, мы все очень разные, начиная от внешнего вида и заканчивая оценкой происходящих событий. И это не означает, что нужно стремиться к экранизации, которая удовлетворит абсолютно всех.

– А какие экранизации «Тихого Дона» вы признаете – их было четыре, настоящий бум?

– Какой же это бум, вот в позапрошлом году был какой-то юбилей «Анны Карениной», и за один год ее поставили 5 раз по всему миру, вот это, можно сказать, бум. А периодическое возвращение кинематографистов к известному литературному произведению естественно, каждое поколение имеет право на свое прочтение. На сегодняшний момент герасимовская экранизация, безусловно, лучшая, никто не спорит. У Бондарчука значительная часть группы состояла из иностранцев, много было итальянцев. И только что в Вешенской закончили съемки очередной версии «Тихого Дона» Сергеем Владимировичем Уруляком.

Мне нравится, как профессионально и ответственно он работает – мне кажется, это будет очень хорошее кино. А противопоставлять работы режиссеров, говорить, что лучше-хуже, непорочно. У Уруляка другая экранизация, снятая в другое время, помимо всего прочего, снимая фильм сегодня, режиссер имел возможность говорить о многих вещах, которые не мог затрагивать Герасимов.

– Что заставило вас в 27 лет уехать в Вешенскую и начать там работать? Какую задачу вы ставили перед собой?

– Это был один из тех счастливых периодов в жизни, которые бывают у всех нас, когда мы оканчиваем школу и нам кажется, что мы можем все. Я тогда только окончил аспирантуру, защитился и передо мной стоял выбор – остаться в Москве, ехать в Ростовский университет, из которого я уходил в аспирантуру, или еще чем-то заняться. В этот момент создавался музей – заповедник в Вешенской, и, учитывая, что в Вешках я и так проводил большую часть свободного времени, обожаю этот край и вообще станица и деревня мне гораздо ближе, я решил уехать туда работать.

– Что нового появилось в музее в последние времена?

– Только что закончили строительство потрясающего комплекса в станице Каргинской, закончили реставрацию филиала в Ростове-на-Дону. Постоянно проводим выставки.

– Что вы думаете о состоянии культуры в России на данный момент, вам не кажется, что планы Запада о разрушении этой основы основ начинаются сбываться?

– Ничего подобного, если бы в России изменилось отношение к культуре, ее просто бы уже не было.

– Каково ваше отношение к современным гражданским войнам?

– Когда мы пытаемся убедить себя в том, что гражданская война идет где-то там, мы ошибаемся. Я хорошо знаю Испанию и испанцев и уверяю вас, что и там вы найдете людей, которые по-разному смотрят на эти вопросы. В начале 70-х мой дед задавал риторический вопрос моему отцу, преподавателю философии с кафедры истории партии Ростовского университета: «Когда там по вашим учебникам гражданская война закончилась?.. Вот она и сейчас идет и очень не скоро закончится». А дальше шла чисто шолоховская фраза: «Так переубедить людей, братец мой, еще уметь надо». Штрих к портрету.

Беседовала
Нина КАТАЕВА

УСПЕХ

Перекресток судьбы художника Ляшкевича

Фильм о бездомном художнике продолжает собирать призы кинофестивалей.

Документальный фильм белорусского режиссера Анастасии Мирошниченко «Перекресток» был снят без господдержки и какой-либо другой финансовой помощи и давно вышел за рамки предмета искусства и стал социальным проектом. Фильм рассказывает о гомельском художнике Валерии Ляшкевиче, который больше 20 лет живет на улице, ночует на вокзале, но при этом ведет активную творческую жизнь. Пишет картины и выставляет их на продажу у камер хранения. Летом продает картины в Санкт-Петербурге и всегда ведет беседы со зрителями. Свои работы

Валерий называет «шедевриками» и считает, что несколько из них позволяют ему быть уверенным в том, что жизнь прожита не зря.

Фильм разделен на части – зима, весна, лето, осень и снова – зима. Что символично: мотив уходящего времени, цикличность всего земного, в котором ничто не вечно и – неизменно. Разделение на главы обусловлено сюжетом, который должен показывать, как бездомный человек выживает зимой, за что не любит дождь и насколько успешно продает свои работы в погожие летние дни. Валерий ничего не боится так, как дож-

да: невозможно выставлять работы, нельзя спать, где захочется, не высушишь белье (надо сказать, что художник – редкий чистюля, хоть это и «влетает ему в копеечку»). Картина – своеобразное бытование года жизни художника – под аккомпанемент его рассуждений. Никаких сантиментов, неестественного моделирования – картина предельно искренняя, выверенная, точная. Анастасия Мирошниченко снимала фильм за свой счет. Съёмочная группа работала на энтузиазме, самая дальняя командировка была в Санкт-Петербург. Производство картин за собственные деньги – сегодня тенденция в Беларуси. Возможно, это связано с кризисом и сложной системой бюджетного финансирования. Чаше

всего в итоге получается дилетантское кино, но с «Перекрестком» – иной случай. Мирошниченко окончила Белорусскую академию искусств по специальности «режиссер кино и телевидения», работала над документальными фильмами и телепроектами в «Белвидеоцентре». Картина «Перекресток» помогла своему герою: художник выставился в Национальном художественном музее, получил профессиональные отзывы о творчестве и, все надеются, скоро переедет в собственный дом.

Родом Валерий из деревни в Гомельской области, учился в Брянском художественном училище. Рано осиротел. Дважды поступал в Санкт-Петербургский институт живописи,

скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, но неудачно. Прожив 15 лет в Петербурге, в середине 90-х решил съездить в Гомель, где была организована его выставка, а имя внесено в энциклопедию белорусских мастеров. Когда вернулся в город на Нева, узнал, что жить ему нигде. Решил вернуться в родную деревню. Но в родительский дом не пустили родственники, так Ляшкевич оказался на улице. Сегодня на имя художника открыт счет в банке для пожертвований на дом. Валерий отказывается от съемного жилья, чтобы быстрее собрать нужную сумму.

Гомельский художник... Можно ли человека привязывать к определенной географии, если у него нет дома, прописки,

если его «нет в базе»? Мы застряли в социальных условиях и скоро действительно, как в антиутопиях, если имени не будет в базе, не будет и нас. Вот только глядя на голубоглазого Валерия Ляшкевича, слушаешь его разумные слова, наблюдаешь за незаурядным бытом, понимаешь – нам не нужны базы, чтобы быть. И, возможно, Валерий больше всех нас – есть.

Уже несколько кинофестивалей отметили «Перекресток» наградами на фестивалях документального кино в России, Польше, Беларуси. После шестия по фестивалям картину, вероятно, покажут по телевидению, затем автор оставит его в свободном доступе в Интернете.

Ирена КОТЕЛОВИЧ

ФОТО БЕЛТА